

Эрик Краг: студенческие годы в советской России

Тамара Лённгрен

«Он едет в Москву, чтобы изучать язык,
главным же образом русскую литературу».

Олаф Брок

О первом норвежском профессоре славянских литератур Эрике Краге¹ написано несколько заметок и статей (Ekrheim 1938, 1950; Vommen 1970; Kjetsaa 1987, 1988; Egeberg 1990, 2019; Ливанова 2005 и др.). Результаты норвежских исследований обобщены в публикации (Egeberg 2019). По поводу своих работ профессор эмеритус Университета Тромсё Эрик Эгеберг скромно заметил: «Да, я написал кое-что о Краге [...]. Но есть одно обстоятельство, которое мне никогда не удалось выяснить: точные даты и условия пребывания Крага в Ленинграде».² Впрочем, о датах и условиях пребывания Крага в Москве в указанных работах тоже ничего не сказано. В статье А. Н. Ливановой³ документально подтверждается пребывание Крага в Ленинграде с октября 1927 по март 1928 года.

Все перечисленные публикации объединяет то, что ни один из авторов не обратил внимания на документы, хранящиеся в архиве первого профессора славянских языков Университета Осло Олафа Брока,⁴ учителя и наставника студента Крага. Именно в этих документах содержится информация о пребывании Эрика Крага в советской России.

Профессор Брок очень любил Россию и, начиная со студенческих лет, неоднократно посещал ее. Он свободно владел русским языком, прекрасно ориентировался в политической обстановке и был хорошо знаком с разными сторонами жизни всех слоев населения не только в столице царской России, но и далеко за ее пределами (Лённгрен 2018а, 169–74).

¹ Норв. Erik Krag, 1902–1987.

² Из электронной переписки с профессором Эгебергом 5.4.2019.

³ Благодарю Александру Николаевну Ливанову за консультацию и любезно присланную копию своей публикации.

⁴ Норв. Olaf Broch, 1867–1961.

Советскую Россию Брок впервые посетил в 1923 году. Потрясения от увиденного хаоса и абсурда он изложил в книге «Диктатура пролетариата» (Broch 1923, 1924). В этой книге Брок не назвал ни одного имени, ни одной фамилии, поскольку понимал, что люди, оставшиеся в «советском раю», будут подвергнуты опасности даже за косвенную причастность к его работе. Однако предпринятая авторская предосторожность не помогла: старшую сестру академика А. А. Шахматова Евгению Александровну Масальскую-Суринау (1862–1940) арестовали и пять месяцев держали в Доме предварительного заключения только по подозрению в том, что она могла вдохновить Брока к написанию «книги-пасквиля» (Лённгрен 2019а, в печати).

Установить, с кем именно встречался норвежский профессор, находясь в Москве и Петрограде в 1923 году, удалось по сохранившейся переписке. Изучение этой переписки позволило не только очертить круг общения норвежского слависта с русскими коллегами в период с 1923 по 1929 год, но и заполнить лауну в биографии Эрика Крага о его пребывании в России.

В предлагаемой статье изложены результаты исследования, выполненного на основе отысканных и впервые публикуемых здесь документов, хранящихся в архивах Осло, Москвы и Санкт-Петербурга.

История о том, почему Эрик Краг начал изучать русский язык, повторяется почти в каждой публикации о нем: во время учебы в гимназии он услышал увлекательный рассказ художника Сверрера Кнудсена о Федоре Достоевском, серьезно заинтересовался Россией и самостоятельно начал изучать русский язык. Но вскоре таких занятий оказалось недостаточно, поэтому Краг стал посещать университетские лекции профессора Брока и в 1920 году сдал экзамен по русскому языку своему учителю и будущему наставнику.

Как следует из воспоминаний И. М. Дьяконова, который в то время находился в Осло, успехи в русском языке у двадцатилетнего Крага были весьма впечатлительны: «Кроме профессора Брока и молодого писателя – Эрика Крага, переводившего русских авторов [...] никто из норвежцев не понимал русского языка». (Дьяконов 1995, 20). В 1922 году Краг познакомился с приехавшим в длительную командировку в Осло петербуржцем М. Дьяконовым (Дьяконов 1995, 18), так что возможность слышать русскую речь и говорить по-русски у Крага была, однако этого было недостаточно: для овладения русским языком в совершенстве и глубокого изучения русской литературы ему необходимо было продолжить образование в России.

Олаф Брок, прекрасный знаток России и опытный исследователь, имевший широкий круг общения среди коллег-славистов, без проблем мог бы отправить своего ученика в Россию, списавшись заранее с кем-нибудь из знакомых и снабдив уезжающего рекомендательным письмом, как это он делал не раз.⁵

Но все изменилось после 1917 года: каждое письмо, приходившее из «советского рая», содержало «„синодик“ – сухие списки погибших с однообразными приписками: умер от голода, расстрелян, покончил самоубийством. Десятки имен – одно крупнее другого» (Ростовцев 1920, 235). Один за другим уходили из жизни лучшие представители российской академической элиты – друзья, коллеги и знакомые Брока. В

⁵ Весной 1924 года Брок таким же образом отправил в Литву своего студента Кристьяна Станга: см. письмо К. Бюге к О. Броку от 23.5.1924: NB, Brevs. 337, а также работу (Bjørnflaten 2012, 61–68).

сложившейся ситуации даже своего сына Йенса, изучавшего русский язык и мечтавшего продолжить обучение в России, Олаф Брок не решился отпустить к своим русским друзьям, поскольку те не жили, а выживали, и в благополучии завтрашнего дня у них не было никакой уверенности.

До 1923 года Брок в советской России не был, поэтому ему было трудно понять, что там происходит: с одной стороны, из информации, которую он получал от знакомых дипломатов, картина вырисовывалась страшная; с другой стороны, Фритъёф Нансен, не только опытный полярник, но и талантливый политик и преданный друг России, после посещения советской республики восторгался ее достижениями и светлым будущим (Нансен 1923). Брок сотрудничал с Нансеном более двадцати лет, особенно интенсивной была их совместная работа после 1917, когда профессор-славист принимал непосредственное участие в организации и осуществлении гуманитарной помощи (Лённгрен 2019b, в печати), поэтому у него не было оснований не верить описанию легендарного земляка. Однако множество фактов из писем русских коллег подвергали большому сомнению радужные картины Нансена:

На Ваш вопрос о судьбе славистов в России не могу дать утешительного ответа: «Одних уж нет, а те – далече...» В наличии имеются следующие профессора и преподаватели. В Петрограде – П. А. Лавров, М. Г. Долобко и малограмотный, но багровый Державин (он же неистовствующий ректор университета), в Москве – я один (В. Н. Щепкин и Р. Ф. Брандт скончались), в Казани – никого (Н. М. Петровский скончался, и факультет там закрыт), в Саратове – Г. А. Ильинский, в Киеве – Туницкий (Т. Д. Флоринский погиб так же, как и П. А. Заболотский [так: подчеркнуто в тексте; оба были расстреляны органами ВЧК – ТЛ]), в Одессе – В. М. Ляпунов и молодой Бузук, в Ростове на Дону – Яцимирский, в Харькове – молодой Булаховский. Вот и все.⁶

Исходя из неутешительной информации о положении дел в университетах и в стране, Брок не был уверен ни в возможности организации необходимого обучения, ни в безопасности поездки для молодого неопытного норвежца, каковым был в то время его ученик Эрик Краг. Восторженное повествование Нансена вызывало у Брока большие сомнения, поэтому он решил, что должен сам побывать в молодой советской стране.

В конце весны – начале лета 1923 года Брок посетил Москву и Петроград (Lönngren 2015, 37–57; Лённгрен 2018b, 109–42). Помимо встреч с сотрудниками Института красной профессуры, состоявшихся в рамках его официальной командировки, Брок встречался в Москве с норвежским посланником Ю. Якхельном⁷ и своими коллегами А. М. Селищевым и П. Н. Сакулиным, а в Ленинграде – с В. Ф. Шишмаревым, К. Я. Гротом, с некоторыми сотрудниками университета и семьей покойного друга А. А. Шахматова (Лённгрен 2019a, в печати). Исходя из содержания переписки Брока, приходящейся на вторую половину 1923 года, следует, что в Москве и Петрограде Броку удалось

⁶ Из письма А. М. Селищева к О. Броку от 16.3.1923: NB, Brevs. 337.

⁷ Норв. Johan Fredrik Winter 'Fritz' Jakhelln (1876–1973), посол (министр) руководитель первой Норвежской миссии (*de facto*) в Москве в 1921–24 годах.

установить новые контакты, благодаря чему поездка студента Крага в Россию для продолжения обучения русскому языку и русской литературе представлялась возможной.

В сентябре 1923 года Брок написал письмо П. Н. Сакулину, в котором поблагодарил коллегу за приятные встречи, имевшие место во время его пребывания в Москве весной, и горячо порекомендовал своего студента Эрика Крага, отправляющегося в Москву. Кроме того, Брок попросил московского коллегу оказать помощь норвежскому студенту и особо подчеркнул сложность пребывания для иностранца в современной России.⁸

Осенью 1923 года Эрик Краг приехал в Москву и поселился в доме ученых. А. М. Селищев писал Олафу Броку: «Эрик Краг имеет комнату в доме ученых (на набережной реки Москвы). Я с большим удовольствием окажу ему всякое содействие».⁹ Поскольку Краг приехал в Москву, в первую очередь, изучать русскую литературу, то организацией его научной работы занимался П. Н. Сакулин.

С первых дней существования норвежского дипломатического представительства в советской республике его сотрудники оказывали и до сих пор продолжают оказывать всевозможную помощь и поддержку в развитии и осуществлении академического сотрудничества между учеными России и Норвегии. Особую сложность в первые десятилетия советской власти представляла пересылка книг, крайне необходимых в работе исследователей. За помощью ученые обращались к дипломатам и всегда получали ее.

В письме от 15 ноября 1923 года Якхельн сообщил Броку о том, что в этот день к нему приходил А. М. Селищев и оставил для профессора книги и письмо, которые дипломат пересылает в Норвегию вместе со своим письмом. В этом же письме Якхельн сообщил, что в тот же день у него на ужине был Эрик Краг: «Но это было, как всегда: невозможно услышать от этого молодого человека ни одного слова. Буквально он сказал „добрый день“ и „спокойной ночи“». Он получил комнату в городе и ни в чем не нуждается».¹⁰

Сначала все было спокойно, но весной 1924 года, после выхода в Норвегии второго издания «Диктатуры пролетариата» (Broch 1924), ситуация в Москве резко изменилась.¹¹ Именно поэтому Эрик Краг, проучившись в столице всего один год,

⁸ Из письма О. Брока к П. Н. Сакулину: РГАЛИ, ф. 444, оп. 1, ед. хр. 150, док. 4. Профессору Сакулину Брок написал после того, как получил ответ из Москвы от Яльмара Хансена (норв. Hjalmar Hansen) на свое письмо от 25.7.1923. Норвежец подробно описал, насколько сложно найти в Москве жилье для иностранца: во-первых, это было небезопасно для хозяев квартиры, предоставлявших угол иностранцу; во-вторых, любая освобождавшаяся жилплощадь сдавалась местным пролетариям, а не приезжим иностранцам (из письма Я. Хансена к О. Броку [на норв.] от 20.8.1927: NB, Brevs. 337).

⁹ Из письма А. М. Селищева к О. Броку от 11.11.1923: NB, Brevs. 337.

¹⁰ Из письма Ю. Якхельна к Броку от 15.11.1923 (на норв.): NB, Brevs. 337.

¹¹ Ухудшение обстановки в Москве было одним из последствий скандала в Норвегии, учиненного энергичной советской посланницей А. Коллонтай: по ее настоянию «книга-пасквиль» была извлечена из норвежских школьных библиотек, а ее автор был лишен возможности принимать участие в юбилейных мероприятиях в Ленинграде, на которые он был приглашен академией наук (Lönngren 2015, 43–46). Но наказан был не только автор, но и его московские знакомые. В середине апреля 1924 г. Якхельн написал Броку о том, что к нему приходила София Николаевна Шиль (псевд. Сергей Орловский, 1863–1928), чтобы забрать письмо, пришедшее на ее имя от Брока. Получив это письмо,

уехал в Ленинград, где с декабря 1924 года продолжил занятия в университете.

О том, что, находясь в городе на Неве Краг бывал в гостях у Дьяконовых, с которыми познакомился в Осло, упоминается в воспоминаниях (Дьяконов 1995, 48), основные же сведения о ленинградском периоде Крага содержится в письмах В. Ф. Шишмарева к О. Броку и Э. Крагу. Первое письмо Шишмарева к Броку датировано 7.12.1924.¹²

В начале письма ленинградский профессор благодарит норвежского коллегу за переданную книгу. Нельзя не отметить «рыбий язык», которым пользуется автор письма: он не упоминает ни названия книги, ни темы, ни содержания, однако не трудно догадаться, что речь идет именно о «Диктатуре пролетариата». Будучи специалистом в области зарубежной литературы, В. Ф. Шишмарев был в курсе многочисленных хвалебных произведений зарубежных писателей, в том числе и Нансена, о достижениях советской республики, поэтому он особо подчеркивает исключительное положение книги Брока в ряду иностранных работ на данную тему.

Из письма Шишмарева следует, что Эрик Краг, перебравшись в Ленинград, по совету общих московских знакомых стал часто бывать у профессора. Шишмарев организовал для норвежского студента занятия по практическому русскому языку, славянской филологии и постоянно приходил на помощь в нужные моменты. Профессор характеризует своего подопечного в высшей степени положительно: «Краг – молодой человек очень живой, с несомненными литературными способностями, прошедший хорошую университетскую школу и получивший [...] прекрасную научную подготовку». Шишмарев видел в Краге «серьезного молодого человека с таким основательным фондом и с такой любовью к своему делу,» который постоянно очень много работал, преуспел в практическом овладении русским языком и постиг многое в области славистики.

Однако время пребывания Крага в России подходило к концу, и Шишмарев был крайне обеспокоен тем, что Краг будет вынужден прервать занятия в середине учебного года и вернуться на родину. Русский коллега обращался к своему норвежскому коллеге с убедительной просьбой посодействовать тому, чтобы талантливый студент смог остаться в Ленинграде и закончить образование.

Но дело, кажется, было не только в необходимости закончить начатые курсы, была и другая веская причина задержаться с отъездом на родину: Эрик Краг влюбился, с первого взгляда и, как показало время, на всю оставшуюся жизнь. В доме профессора Шишмарева, где Эрик часто бывал, он познакомился со студенткой филологического факультета Ленинградского университета, дочерью земского врача из Костромы Софьей Михайловной Крюковой. Во время третьей встречи Эрик сделал Софье предложение.¹³ Видимо, предложение отвергнуто не было, но официальное оформление отношений произошло позже.

София Николаевна тут же его прочитала, но с собой не забрала, а попросила Якхельна сразу же это письмо сжечь. Она была очень встревожена и просила срочно передать Броку, чтобы тот не посылал ни приветов, ни просьб, ни поручений своим знакомым, потому что после выхода «Диктатуры пролетариата» за связь с автором люди в Москве подвергались преследованиям и арестам (Лённгрен 2019с, в печати).

¹² Письмо В. Ф. Шишмарева к О. Броку от 7.12.1924: NB, Brevs. 337.

¹³ Подробнее об этом знакомстве см. в работе (Ливанова 2005, 10–11).

Ссылаясь на документы, хранящиеся в архиве СПбГУ, А. Н. Ливанова пишет: «Несколько семестров в 1920-е годы Краг проучился в Москве и Ленинграде, где [...] он также занимался преподавательской деятельностью, хотя и совсем недолго» (Ливанова 2005, 10). Однако письма Шишмарева, отысканные в архиве Брока, позволяют внести некоторые уточнения в последовательность происходивших событий.

В середине августа 1925 года Брок получил письмо от Шишмарева, которое тот отправил из Италии, где находился в командировке. Русский коллега, десять лет не выезжавший за границу и вдруг оказавшийся на свободе, избавился от «рыбьего языка» и открыто описал свои впечатления от увиденного в Европе, сравнивая его с кошмаром в «советском раю»: «Европа работает во всю и хорошо [...], работы печатаются, в то время, когда мы почти ничего не печатаем и все реформируем. Работать чрезвычайно трудно, ибо масса времени уходит на заработок. Отсюда переутомление и безвременные смерти [...]. Только увидел своих [...] коллег и понял, в каких тяжелых условиях мы живем и то, в сущности, все мы очень быстрыми шагами приближаемся к концу. [...] Видя все творящееся можно потерять последнее уважение к русскому человеку».

В этом письме Шишмарев рассказывает о том, что Эрик Фомич, как он на русский манер называл Крага, тоже начал усваивать приведенную выше точку зрения о сложившейся ситуации в России. Профессор также отмечает, что в течение зимы Эрик много читал трудных текстов, и высказывает уверенность, что с диссертацией у него не должно быть никаких проблем, поскольку план они обсудили и «если только Эрик Фомич возьмется за его выполнение с надлежащим рвением, то у него выйдет очень хороший этюд, который он может впоследствии разработать поглубже.» Факты научной биографии профессора Крага свидетельствуют о том, что он с честью оправдал предположения своего русского научного руководителя.

Исходя из содержания этого письма можно установить, что Эрику Крагу удалось остаться в Ленинграде не только до конца учебного года, но и летом 1925 года, поскольку Шишмарев пишет Броку о том, что Эрик Фомич приглашал его побывать в Осло на обратном пути, когда тот уже будет на месте, т. е. вернется из Ленинграда. Поскольку письмо Шишмарева из Италии датировано 17.8.1925, то, следовательно, раньше начала осени 1925 года Эрик Краг на родину не вернулся.

Никогда ранее в работах об Эрике Краге не упоминалось имя автора яфетической теории Николая Яковлевича Марра, как не был упомянут и Краг ни в серьезной работе о Марре профессора Университета Осло Я. И. Бьёрнфлатена (Bjørnflaten 1982), ни в других многочисленных публикациях на эту тему. Но в архиве Брока хранится письмо Марра к Шишмареву, из которого следует, что оно было написано создателем яфетической теории после личной встречи с Шишмаревым. Во время этой встречи русский научный руководитель Крага рассказал Марру о талантливом норвежском студенте. Поскольку Шишмарев был литературоведом, учение Марра никогда всерьез не воспринимал, но в тех условиях был вынужден играть роль яфетического поклонника,¹⁴ то идея, поданная Марру, привлечь Крага к сотрудничеству, скорее

¹⁴ См., например, «Воспоминания о Марре» О. М. Фрейденберг: «В начале 1926 г. был организован сектор (палеонтологической) семантики мифа и фольклора, председателем которого был весьма далекий от марризма В. Ф. Шишмарев».

всего, могла объясняться ничем иным, как стремлением профессора найти способ и дать возможность влюбленному талантливому норвежцу приехать в Ленинград. Марр, ни о чем не догадываясь, полностью согласился с Шишмаревым в том, что «живые скандинавские языки не представлены ни в университете, ни в исследовательском институте [...], и Краг был бы наиболее подходящим кандидатом, чтобы начать культивировать эту область знания [...] прежде всего в университете».

Получив письмо от Марра, в тот же день, 27.9.1926, Шишмарев написал Крагу о том, что в университете планируется учреждение должности лектора скандинавских языков и спросил о принципиальном согласии занять эту должность. Начало письма выглядит немного странным, потому что Шишмарев, как бы упреждая удивление и вопрос неискушенного в подобных «трюках» норвежца – как же так, профессор литературы вдруг пишет о скандинавских языках, прекрасно зная, что меня интересует русская литература, а не скандинавские языки? – расставляет нужные акценты и тем самым исключает нежелательные вопросы Крага, которые могли бы привлечь опасное внимание «вездесущего ока»: «После Вашего пребывания здесь у нас в стране Вы, вероятно, можете вспомнить, что я как руководитель секции германо-романских языков факультета языкознания и материальной культуры заинтересован в развитии у нас исследований в области скандинавистики». В письме также указано, что к нему приложен оригинал письма Марра.¹⁵

Не получив от Крага ответа, через десять дней, 7.10.1926, Шишмарев написал ему еще раз, сделав несколько уточнений по поводу планируемой должности.

На этом переписка обрывается, но в архиве СПбГУ до сих пор хранится личное дело лектора скандинавских языков (романо-германский цикл) Эрика Крага, начатое 19.10.1927 и законченное 7.3.1928. В этом же деле хранится заявление Крага, написанное им по-русски, об освобождении от занимаемой должности ввиду полученного назначения в Университете Осло. В заявлении указана дата: 7.2.1928. В учетной карточке, приложенной к делу, указан ленинградский адрес норвежского подданного: Петроградская Сторона, Малый проспект, дом 1–3, квартира 47 (Ливанова 2005, 10). Это именно тот угловой дом на набережной реки Ждановки и Малого проспекта, где с октября 1921 до начала декабря 1927 года в квартире 22 жил Федор Кузьмич Сологуб (1863–1927).¹⁶

В коротком письме Олафа Брока от 10.6.1928, написанном на почтовой открытке и адресованном П.Н. Сакулину, по просьбе московского коллеги ему сообщается новый адрес Эрика Крага: Ленинград, Васильевский Остров, Первая линия, дом 20, квартира 15. Этот же адрес Эрик Краг повторно сообщил своей тете в письме от 15.5.1928, потому что письмо с новым адресом, отправленное ей в конце декабря 1927 года, она, видимо, не получила (из письма Э. Крага к Э. Неруп [норв. Emma Nærup, на норв.] от

<http://freidenberg.ru/docs/nauchnyetrudy/stat%27i/vospominanijaomarre/page0130>.

¹⁵ Письма В. Ф. Шишмарева к Э. Крагу написаны по-немецки. Благодарю профессора эмеритуса Фрайбургского университета Ф. Келлера за помощь в прочтении рукописного немецкого текста.

¹⁶ Эта квартира принадлежала одной из сестер жены Сологуба, Александре Николаевне Чеботаревской (урожденной Черносвитовой). Сами Черносвитовы жили в этом же доме, на четвертом этаже, в квартире 24.

15.5.1928> NB, Brevs. 774). Из переписки известно, что именно по этому адресу проживал профессор Шишмарев. С Петроградской Стороны на Васильевский Остров Краг переселился после смерти Ф. К. Сологуба, с которым был близко знаком.

В письме Брока к Сакулину от 19.6.1929 в последний раз в переписке с русскими коллегами упоминается норвежский студент Эрик Краг, ранее учившийся в советской России.

Таким образом, в результате рассмотренной здесь части эпистолярного наследия Олафа Брока было установлено, что норвежский студент Эрик Краг провел в России пять лет. Он приехал в Москву осенью 1923 года и учился там под непосредственным руководством профессора П. Н. Сакулина, помощь ему также оказывал А. М. Селищев. В Москве Краг провел один год.

Следующий учебный год, 1924–1925, Краг провел в Ленинграде, его наставником, помощником в практических делах и научным руководителем был профессор Шишмарев.

По инициативе Шишмарева, горячо принятой Марром, в русле развития яфетической теории в Ленинградском университете была учреждена должность лектора современных скандинавских языков. Первым эту должность получил Эрик Краг. В Ленинградском университете он преподавал современные скандинавские языки с октября 1927 по март 1928 года. Летом 1928 года он уже там не работал, но все еще находился в Ленинграде.

Благодаря стараниям и опыту профессора Брока, его прочным не только научным, но и чисто человеческим связям с русскими коллегами, даже в очень сложный исторический период студент Эрик Краг смог продолжить изучение русского языка и литературы в советской стране и подготовить солидное научное исследование.

Для того, чтобы увезти с собой из России в Норвегию не только приобретенные знания в русском языке и литературе, но и будущую жену, талантливый норвежский студент под руководством мудрого русского профессора мастерски сыграл роль приверженца к яфетическому учению и получил должность преподавателя современных скандинавских языков, по сути, специально для него созданную всемогущим в то время Марром.

Источники

NB: National Library of Norway, Olaf Broch, Brevs. 337; Erik Krag, Brevs. 774.

РГАЛИ: Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 444, оп. 1, ед. хр. 150, док. 4.

СПбФАРАН: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, ф. 134, оп. 2, д. 239; оп. 3, д. 186.

Литература

Vjørnflaten, J. I. 1982. *Marr og språkvitenskapen i Sovjetunionen*. Oslo: Novus forlag.

Vjørnflaten, J. I. 2012. «Из истории славистики в Норвегии: переписке иностранных

- славистов с профессором Олафом Броком». *Slavica Litteraria: Supplementum* 2:61–68.
- Bommen, C. L. 1970. *Studentene fra 1920*. Oslo: Bokkomitéen for studentene fra 1920.
- Broch, O. 1923. *Proletariatets diktatur: Set og tænkt fra forsommeren 1923*. Kristiania: Aschehoug.
- Broch, O. 1924. *Proletariatets diktatur: Set og tænkt fra forsommeren 1923*. Folkeutgave. Kristiania: Aschehoug.
- Дьяконов, И. М. 1995. *Книга воспоминаний*. Санкт-Петербург: Европейский Дом. Изд. Европейского университета.
- Egeberg, E. 1990. «Erik Krag og Kampen mot Vesten». *Erik Krag: Kampen mot Vesten i russisk åndsliv*, 1–6. Oslo: Universitetsforlaget.
- Egeberg, E. 2019. «Erik Krag». *Norsk oversetterleksikon*, <https://www.oversetterleksikon.no/2018/02/05/erik-krag-1902-1987/>.
- Ekrheim, H. S. and O. Ekrheim (ed.) 1938. *Norges filologer og realister*. Stavanger: Dreyer.
- Ekrheim, H. S. and O. Ekrheim (ed.) 1950. *Norges filologer og realister*. Stavanger: Dreyer.
- Kjetsaa, G. 1987. «Erik Krag in memoriam: Nekrolog». *Scando-Slavica* 33 (1):179–80.
- Kjetsaa, G. 1988. «Minnetale over professor dr. philos. Erik Krag». *DNVA årbok 1988*, 283–87.
- Коллонтай, А. М. 2001. *Дипломатические дневники: 1922–1940*. Том 1. Москва: Academia.
- Lönngren, T. 2015. «„... прошу не забыть, что есть у Вас друг“: Олаф Брок и Алексей Александрович Шахматов». *Slovo: Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures* 56:37–57.
- Лённгрен, Т. П. 2018а. «„Собрал ряд наблюдений над настоящим состоянием России“ . Путевые заметки Олафа Брока». *Олаф Брок: Диктатура пролетариата*, 169–73. Москва: Издательство им. Сабашниковых.
- Лённгрен, Т. П. 2018б. «Потрясение от увиденного: книга Олафа Брока „Диктатура пролетариата“». *Слов’янський світ Олафа Брока: Збірник за матеріалами доповідей семінарів до 150-річчя від дня народження першого професора слов’янських мов Університету Осло*, 109–31. Львів: НТШ ім. Шевченка, Університет Осло, НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип’якевича.
- Лённгрен, Т. 2019а. «„Прямо – Твердо – Смело“: заметки о жизни и деятельности Е. А. Масальской-Суриной (Шахматовой)». *Е. А. Масальская-Сурина: История с географией*. Москва, в печати.
- Лённгрен, Т. П. 2019б. «У истоков Кольской экспедиции: Фритъоф Нансен и Олаф Брок». *Ученые записки Петрозаводского Государственного Университета*, в печати.
- Лённгрен, Т. П. 2019с. «Предисловие». *С. Н. Шиль: Сердце отчизны*. Москва, в печати.
- Ливанова, А. Н. 2005. «„Лектор скандинавских языков“ Эрик Краг». *XXXIV международная филологическая конференция*. Выпуск 3, секция истории филологического факультета. 14–19 марта 2005 г. Санкт-Петербург:9–13.
- Нансен, Ф. 1923. *Россия и мир*. Москва/Ленинград: Гос. Издат.
- Ростовцев, М. И. 1920. «Поминки (Памяти загубленных друзей и коллег)». *Современные записки* 2:235–41.

author: Tamara Lönngren
affiliation:

UiT The Arctic University of Norway, Tromsø
email: tamara.lonngren@uit.no

Abstract: Erik Krag: His Student Years in Soviet Russia

Erik Krag was the first Norwegian professor of Slavic literatures. The article *Erik Krag: His Student Years in Soviet Russia* presents earlier unknown and unpublished facts about his stays, including the chronological frames, in Moscow and Leningrad as a young student. These facts are evident from archive material, deposited in Oslo, Moscow and St Petersburg. The article also demonstrates that the founder of the yaphetic theory Nikolai Marr showed interest in the young Norwegian scholar.